

ПИРОЖОК
КНИГА 1

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ВОБЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛЕВ ЧЕРНЕЦ

18+

Лев Чернец

Пирожок. Книга 1.

Мост через реку Вобля

<https://litres.ru/74303033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вот как это бывает: зовут меня Семён Зайцев. Я курьер. И второкурсник. С именем всё понятно, ничего особенного. А вот фамилия... Зайцев. И тут уже начинается то, от чего потом не отмахнешься.

Начинается с Мерседеса и рыжей девицы в красном платье. Она меня сбила, а потом заявила, что я - заряженный, как батарейка. И в целом - последний из рода, а не сирота.

И так всё завертелось, что в этой круговерти я уже еду в какой-то пионерлагерь.

В общем, это первая книжка из трёх. Тёмное фэнтези с мистикой, чёрным юмором, а может, янг-адулт с непристойностями, а может, постмодернизм, а может, всё и сразу, а может, вообще ничего, кто ж его разберёт?

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1 Зайчик, который смог	9
Глава 2 Тётя Лида и её алоэ	14
Глава 3 Вымя и пальчик	21
Глава 4 Океанариум «НЕПТУН»	32
Глава 5 Ночные Ряды	45
Глава 6 Белые кроссовки	57
Глава 7 Жёлтый «Икарус»	66
Глава 8 Путь домой	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Лев Чернец

Пирожок. Книга 1.

Мост через реку Вобля

ПРОЛОГ

Спрингер не помнил, когда впервые умер. Честно говоря, он вообще мало что помнил. Он помнил только, что умирал не один раз. Смерть оказалась для него не финалом, а чем-то вроде вредной привычки, как грызть ногти, только грызут тебя.

Черви копошились в его тканях, а он ждал. Зачем — не помнил, а помнил только человеческое имя.

— Сё-ма, — прохрипел он.

Черви засуетились быстрее. Имя это им не нравилось, прямо раздражало — как трезвон будильника в понедельник. Они бы и его сожрали с удовольствием, да только имя сидело глубже, чем их зубы могли достать.

Сверху, из шахты, донёсся скрежет.

Клетка.

— Давай, давай, — приглушённый голос. — Заталкивай.

— Не лезет, падла. Дёргается.

— Ну так оглуши.

Звук удара. Короткий вскрик. Тишина.

Клетка поползла до низа. Дверца открылась сама собой — старая пружина ещё помнила, зачем она здесь. Из клетки, кувыркаясь, вывалился парень. Плюхнулся в воду.

Он, надо отдать ему должное, приходил в себя недолго. Парень вообще оказался из тех, кто сперва действует, а потом уже думает.

Он поднялся, отплёвываясь. И увидел.

Две чёрные дыры вместо глаз. Рот, раскрывающийся не по-людски — зубы в несколько рядов, будто набраны про запас. Гнилое, дырявое тело. На спине отростки — дёргаются, воздух втягивают, принимают.

Парень заорал во всю глотку.

Руки затряслись, он полез в подсумок, пальцы не слуша-

лись. Тварь двинулась к нему. Вода расступалась перед ним, словно пренебрегала.

Парень выдернул из подсумка рулон. Серую туалетную бумагу. В его руках она ожила.

С визгом, похожим на звук реактивного снаряда, бумага рванулась вперёд. Лента разматывалась в воздухе — слой за слоем, слой за слоем, — обвивая Тварь, как стальной трос. Бумага твердела на глазах, превращаясь в неразрывный кокон.

Парень выбросил руку вперёд.

Бумага слепяще вспыхнула. Огонь охватил кокон целиком, дым повалил к потолку, искры брызнули во все стороны. На секунду стало светло как днём — и в этом свете парень увидел стены. Они были покрыты рисунками. Два мальчика с удочками. Солнце. Река.

Он не успел удивиться.

Дым рассеялся.

Тварь стояла. Целая. Даже не обожжена. Ключья горелой бумаги падали с его плеч. Две чёрные дыры смотрели на парня.

— Нет, — прошептал парень. — Нет, нет, нет...

Он полез в подсумок за вторым рулоном, но руки ходили ходуном. Бумага выпала в воду. Сразу размокла.

Тварь сделала последний шаг.

Движение.

Лапа разорвала грудь.

Тварь раскрыла рот. Челюсть разошлась по-змеиному, широко, зубы в несколько рядов блеснули в свете умирающих искр. Черви в дёснах зашевелились быстрее, вывалились наружу, заизвивались.

Хруст.

Черви внутри его тела засуетились, передавая пищу глубже, в самые недра.

Тварь замерла.

Черви затихли.

— Э-э-э-т-т-о-о-о н-н-е о-о-н-н, — прохрипел Спрингер.

Блевотный звук вывалился из глотки.

Разочарование? Да нет, какое там разочарование. Он не помнил, что это такое. И его черви не помнили. Они просто делали свою работу.

Тварь отползла обратно в воду.

— Сё-ма-а-а, — протянул он.

Сверху, из шахты, снова голоса:

— Это не тот?

— А я тебе говорю — нету больше Зайцевых. Может, хватит уже?

— Ему не объяснишь.

Голоса стихли. Заскрежетал ворот — клетка поехала вверх.

Спрингер остался один.

Вода сомкнулась над ним. Черви копошились в его плоти. Он смотрел в темноту и чувствовал.

Где-то там, наверху, среди живых, ходил Сёма.
Пока ещё не зная, кто он.
Не зная, что его ждут.
Но однажды он придёт. Сам.
И тогда ожидание закончится.

Глава 1 Зайчик, который смог

Знаете, иногда мне кажется, что я не один.

Ну, в смысле, не так, когда голоса в голове тебе приказывают. Просто ощущение... что есть кто-то похожий на тебя, но ты его пока ещё не встретил.

Раньше я думал — это характер такой, дёрганный. Потом начал понимать: это не я дёрганный. Это мир вокруг меня постоянно делает что-то не то, а я просто пытаюсь не сойти с ума.

Меня зовут Семён. Семён Зайцев.

Я будущий оператор машинного доения. Второкурсник.

Курьер доставки. И тот день, когда я вылетел на красный прямо под колёса её старого «Мерседеса», был самым обычным днём. Если не считать того, что это был день моего рождения.

Жара.

Пот заливал глаза.

Я даже не понял, что произошло.

Удар!

Нет, вру. Я вру. Я всё понял. Ещё за секунду до того, как пластик встретился с металлом, я увидел её лицо. Или не лицо — пятно. Рыжее, резкое пятно. Я просто не успел отвернуться.

Потом она вышла из машины. Не выбежала, а вышла. Так плавно, так будто не меня сбила, а на красный ковёр наступила. Платье красное, обтягивает её. А я лежу на асфальте, искры из глаз. Она смотрит сверху вниз, и у неё на пальце колечко-змейка.

— Товарищ, вы в порядке?

Я не товарищ. Я Семён. И я не в порядке!

Но она наклонилась. Ближе. Платье скрипнуло. А я смотрел на её губы. Глупо. Тупо. Я лежу, у меня, может быть, сотрясение, а я смотрю на её губы и думаю: как так вообще бывает, чтобы у человека были такие губы?

Я запаниковал.

Вскочил и побежал. Карман зацепился за осколок фары, ткань — тррр! — и порвалась. Я бежал, будто за мной гна-

лись черти. А они и не думали гнаться.

Я забился в подворотню. Сердце — как бешеное. А зачем я побежал? Сам не знаю. И если уже побежал, то зачем остановился?

И тут я услышал шаги. Спокойные, неторопливые. И голос:

— Бегство — это так мило...

Она катила мой электровелосипед. Искорёженный, жалкий, как я сам. Подошла, сунула пальцы в карман моих джинсов — я аж дёрнулся, потому что ткань тонкая, и я чувствовал её ногти прямо на бедре. Она оставила там бумажку.

— Я Лика Лисова. Может, знаете?

Уши, наверное, покраснели до кончиков. Я стоял и, кажется, забыл, как дышать.

— Я... Семён. Я курьер.

Она улыбнулась.

Чуть-чуть.

И ушла.

А я остался. Застыл в оцепенении и смотрел на асфальт, где только что стояли её туфли. Потом присел. Провёл рукой. Понюхал пальцы.

Кисловатый запах. Как у коровы перед первой дойкой.

Слушайте, я знаю, как это выглядит со стороны. Сидит на корточках в подворотне, нюхает пальцы. Если б я сам на себя со стороны посмотрел — подумал бы то же самое... Большой!

Но я не извращенец. Серьёзно! Я оператор машинного доения, мать его. У нас в техникуме, когда животное проверяешь, то сначала руками, а потом носом. Это рефлекс. Профессионализм.

Вот я и понюхал. Чисто для диагностики.

А вы говорите — извращенец... Не верите? Ну и идите к чёрту.

В общем, я разорвал бумажку с её номером. В клочья. Разбросал по ветру. Сел на велик и уехал.

Глупо как-то вышло.

Она же всё видела.

Ветер трепал мои уши. Облака накустились. А в голове — рыжий образ.

Я видел её однажды в рекомендациях. Наследница старой советской фамилии. Владелица модной галереи. И я сразу понял, что она из другой лиги, что даже если я и приближусь, то это никакое не приятное знакомство с приглашением на свидание, а что мне просто придётся оплачивать ей новую фару.

В рассрочку.

Я доехал до базы, расписался в журнале и побрёл в общагу. Лапшу по-пекински клиент сегодня не получит. Съём сам.

Ноги прошли пятьсот шагов, которые я делаю каждый день. Трещины в асфальте я знаю по именам. Вон та, похожая на Гранд-Каньон, — моя любимица. В тот день она ка-

залась глубже, будто разверзлась специально для меня, чтобы я провалился и не мучился.

Я толкнул дверь общаги.

Глава 2 Тётя Лида и её алоэ

Лето выдалось душным. Обычно в общежитии яблоку негде было упасть и даже стены потели от количества тел. Но июль — мёртвый сезон. Почти все разъехались. Коридоры пустовали, дверь в душ не скрипела от очереди, и даже запах бэп-ешек стал каким-то... необходимым.

Оставались только такие, как я. Те, кому некуда ехать.

Вахтёрша тётя Лида смотрела сериал. Её алоэ на подоконнике разрослось так, что закрывало уже пол-экрана, и казалось, что герои турецкой мелодрамы пробираются сквозь джунгли, чтобы поцеловаться.

Когда я её встретил впервые, мне казалось, что она злая.

Теперь я видел просто усталую женщину, у которой никого нет, кроме этого тупого алоэ, которое всё равно не понимает, каково это — любить турецкого султана.

— Пропуск, — бросила она сквозь меня.

Я похлопал по карманам. Пусто. Бл... Блин! Видно, выронил, когда карман порвался об фару.

— Теть Лид, я... потерял. Вы ж меня знаете. Я Семён Зайцев. Я тут живу. Уже второй год. Я тот, который никогда не шумит.

Она оторвалась от экрана. Посмотрела на меня. Я, наверное, выглядел как пакетик с отбросами.

— Знаю, Зайцев. — Она облизала губы, и кукурузная крошка прилипла к нижней губе. — Но правила. Правила, Зайцев, не для того придуманы, чтобы их нарушать.

Я порылся в рюкзаке. Лапша по-пекински и шоколадка. «Вдохновение».

Лапшу было жалко.

Я протолкнул в окошко шоколадку.

Она вздохнула, как будто совершала благодеяние, и махнула рукой.

Я проскользнул внутрь.

Общага всегда одинаковая. Въевшийся аромат супа, сырость и «отчаяние». Как объяснить... Не то чтобы у людей кончились силы и они перестали мыть полы. Не то чтобы лень. А просто уже незачем.

На лестнице, этажом выше, хлопнула дверь. Быстро, будто

кто-то отпрыгнул от перил, заслышав мои шаги. Будто я был кем-то, кого нужно бояться. Или кого нужно избегать.

Я замер. Прислушался.

Тишина.

Наверное, показалось.

Комната. Двенадцать метров, ширма вместо стены. И эта ширма такая уставшая, что на ней можно разглядеть узоры жизнедеятельности тех, кто жил тут до нас.

Стас, мой сосед, ещё торчал тут. Говорил, что через неделю укатит к брату в Геленджик. «Кабриолет возьмём, — хвастался он, — тёлок там... сам понимаешь. Песок, море, я в шортах. Задерусь, но оторвусь». Что бы это ни значило.

Я слушал и кивал. Потому что что мне оставалось? Сказать: «Стас, я никогда не был в Геленджике. Я никогда не был в кабриолете. Я никогда не отрывался»? И, если уж начистоту, я даже никого не драл?

А когда он уедет, я, наверное, останусь в этом корпусе один. На всё лето. Двенадцать метров тишины и трещина на потолке, которая с каждым днём становится длиннее.

А нет. Вдвоём! Ещё же есть тётя Лида.

Когда Стас был с той стороны, слышно было всё: как он дышит, как щёлкает зажигалкой, как скрипят пружины, когда он... ну, когда он не один. В тот день, к счастью, не скрипели.

В тот день Стас шуршал пакетами. Упаковывался.

— Ты когда уезжаешь? — спросил я в ширму.

— В пятницу. Утром. Билеты уже заказал.

Пауза.

— А ты чё, так и будешь тут деградировать?

— Да, — сказал я.

— В сентябре вернусь. Будешь на лампочке висеть.

Я не ответил. Что тут ответишь? «Спасибо, повесься сам»?

Я скинул кроссовки, сел на матрас, уткнулся лбом в колени. Поза эмбриона. Говорят, в такой позе легче переживать трудности, но мне в ней неудобно.

В ушах всё ещё стоял её голос.

«Бегство — это так мило...»

Какой я дурак. Я просто дурак.

Я лёг, уставившись в потолок, в трещину, что расходилась от угла словно молния. Она проходила рядом с плесневым пятном на побелке и упиралась в панельный шов.

Тело свело усталостью.

Из окна, сквозь грязный, желтушный от времени тюль, падал скупой свет уличного фонаря. И на этой занавеси, словно в театре теней, возникли два образа. Длинные, неподвижные. Они не двигались пять минут. Десять. Просто стояли. Будто знали, что я смотрю.

Я ворочался, искоса поглядывая на них. Потом сел. Смотрел уже сидя. Не выдержал. Подкрался к окну и дёрнул занавеску. Тюль затрещал, будто я его разбудил.

Двор внизу был пуст.

Но в самой глубине, там, где толстые клёны отделяли территорию общаги от дороги, я увидел двух человек. Они стояли под деревом и смотрели в мою сторону. Один из них — в белых кроссовках. Они светились в темноте. И мне показалось, всего на секунду — клянусь, он так сделал — он поднял голову и посмотрел прямо на моё окно. Прямо на меня. Прямо сквозь тюль и грязное стекло.

Я рывком присел на пол. Сделал вид, что меня нет. Будто я не человек, а тень. А тени не смотрят в окна.

Потом осторожно, через щель в тюле, глянул одним глазом.

Никого.

Деревья стояли пустые. Качели не скрипели. Даже фонарь погас, будто и ему стало страшно.

Я аккуратно поправил занавеску. Посмотрел на неё. Силуэты пропали.

Это ещё что было? Там действительно кто-то был? Или мне показалось?

Я снова лёг. Закрыв глаза.

Сон был на редкость ясным. Такие сны бывают только после удара головой о старые «Мерседесы».

Я посреди шоссе в Мохаве. Асфальт раскалён, и от него поднималась жара, искажая силуэты одиноких кактусов. Вокруг, на песке, извивались змеи, сливаясь с узором из теней.

Вдали парила голова лисы из неоновых трубок в три человеческих роста. Её янтарные глаза-лампы били, не мигая.

Ослепляли.

Неоновая пасть с электрическим треском разинулась, предлагая шагнуть в глотку.

Вот она уже ближе. И я вижу, что внутри — ослепительная белизна. А на её фоне извивается мокрый язык, выпуклый, мышечный. Кончик языка томно двигается кругами, оставляя за собой тягучие, полупрозрачные следы-нити.

А она уже совсем рядом, эта безумная голова. Возвышается надо мной. Я карлик пред ней. И из её влажной, гигантской глотки донёсся голос. Он тёк по моим венам, как тёплая медовая жидкость, вызывая невольную эрекцию.

«Бегство — это так мило...»

Я хотел закричать, но змеи обвились вокруг горла. А язык приближался, чтобы слизнуть меня. Текущий, горячий.

Я вздрогнул и сел на матрасе, весь в липком, холодном поту. Часы на телефоне показывали полседьмого утра. Серая муть за окном.

Я зашёл в общий, вонючий туалет, сел на унитаз, закрыв лицо руками, пытаясь отдышаться. Кафель под ногами был холодный, и эта холодность пробирала через носки.

Но тут же в дверь забарабанили.

— Зайчик, ты там обоссался, что ли? Поживее!

Стас. Голос сонный, злой.

Я выполз в коридор. А там словно и не стучал никто.

Стас уже был на общей кухне, заваривая в жестяной кружке кофе «три в одном». На закопчённой сковороде чернела

яичная подошва.

— Я там освободил!

— Деньги есть? — спросил он, не оборачиваясь. От него пахло перегаром.

Я похлопал по пустым карманам.

— Вечером будут. Если повезёт.

— Тебе никогда не везёт, — сказал он и вышел, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась побелка.

А я вернулся в комнату. Натянул кроссовки. Кроссовки были старые, и большой палец выглядывал наружу, как зверёк из норки.

Я открыл приложение доставки, и экран погас. Разрядился. Я обшарил стол, пол, тумбочку — зарядки нигде не было. Чёрт.

Экран моргнул.

Входящий вызов.

На разряженный телефон!

Я не нажимал ответить. Телефон ответил сам. Я только услышал в трубке дыхание.

— Вы уже не спите, Семён?

Глава 3 Вымя и пальчик

Я молчал.

— Семён, вы же меня узнали? — спросил голос.
Ещё как узнал! Бархат, намотанный на осколок фары.

Я открыл рот, но воздух кончился.

Дальше...

— Я слышу вас, Семён. — Она произнесла моё имя так, будто пробовала на вкус. Задерживает на языке, обсасывает, глотает. — И вы меня тоже.

— Да... слышу.

— И что же вы молчите?

Я прижал телефон к уху. Стас в сортире закашлялся и

смысл. Я зажал второе ухо пальцем, будто это могло сделать разговор приватнее.

— У меня, кажется, сотрясение, — сказал я. — Меня сбила машина.

— Я помню, — сказала она. — Я не специально.

— Я думал... — голос дрогнул, — что номер — это шутка.

— Я никогда не шучу с мужчинами. — Пауза. Я слышал, как она дышит. Своей грудью, без спешки. — С мальчиками — иногда. Но с мужчинами — никогда.

«Мальчиками». Она сказала «мальчиками». Я не мальчик. Мне уже восемнадцать.

— Вы, кажется, кое-что потеряли, — продолжила она. — Помимо уверенности в себе.

Конечно, потерял! Студенческий.

— Куртка порвалась, — выпалил я и сразу почувствовал себя идиотом. Какая, к чёрту, куртка? Она меня сбила, она видела, как я улепётывал.

— Я заметила. — В её голосе проступила улыбка. — И кое-что из него выпало. Оно сейчас у меня. В очень надёжном месте.

— Вы... отдадите? — У меня почему-то пересохло во рту. — Где мы можем встретиться?

— Ой, какой вы нетерпеливый. — Она говорила теперь, смакуя каждое слово. — Я сохраню его. Но знаете, Семён, в моё время за потерю студенческого строго наказывали.

Вплоть до отчисления. Особенно недисциплинированных мальчиков.

Я молчал.

— Я вас найду. Когда будет нужно.

— Пойдите, я...

— Да?

Сам не знаю, что я хотел ей сказать. Просто не хотел, чтобы она вешала трубку. Думал, она уже сбросила, а она не сбросила. Получилось по-идиотски.

— Ничего, — выдохнул я. — Я... спасибо.

— До связи.

Короткие гудки.

На самом деле, если подумать, телефонный звонок на разряженный телефон — это вполне нормально. Особенно если тебя ударили машиной.

Я посидел на кровати, глядя на погасший экран.

Потом всё-таки нашёл зарядку под тумбочкой. Воткнул в телефон. Экран загорелся, показывая ноль процентов.

Мир был тот же. Серый, утренний, сонный. Где-то лаяла собака, где-то хлопнула дверь, из кухни тянуло сгоревшей яичницей.

Я заглянул в рюкзак, достал контейнер с лапшой. Она превратилась в один спрессованный пласт, но я отнёсся к этому философски и принялся есть.

Ничего не изменилось.

Стас дефилировал из-за ширмы с пакетом. Внутри пиво.

Посмотрел на меня, на лапшу, на телефон.

— Зайцев, чего грустный? — Стас протянул мне банку.
— Сосал невкусный? На, попей.

— Денег нет, — буркнул я.

— Да на. Угощаю! Я скоро уезжаю. Будешь тут вместо меня королём! Почувствуй вкус праздника.

Я открыл. Пена потекла по пальцам. Отхлебнул. Пиво было тёплым, горьким, с привкусом алюминиевой банки.

— Вон, глянь. — Стас ткнул пальцем в сторону новостроек за окном. На балконе пятого этажа женщина в спортивном топе развешивала бельё. — Трусы свои вешает. Красивая, да? Ух, я б её...

Я не слушал. Я смотрел на машину под балконом. Чёрный внедорожник, огромный, как бегемот. Такая машина может сбить человека насмерть и даже не заметить.

— А ты знаешь, кого я видел? — вдруг сказал Стас, развалившись на моём матрасе. — Лику Лисову. Рыжую. Мажорка. У неё музей свой. Понял? Я пробил, старшие говорят, от родителей перешёл ей.

Я чуть не поперхнулся пивом.

— Кого? — Голос мой вильнул, будто электровелосипед на гололёде.

Стас довольно хмыкнул, увидев мою реакцию.

— Ну, я мимо этого музея иду, думаю, дай подойду. Такая... ну, ты понял. А там её машина стоит. Водила дверь открывал. Как королеве.

— Старый бежевый «Мерседес» с разбитой фарой? — выдохнул я.

— Ты баклан? — Он, конечно, сказал не «баклан», но я перевёл для себя именно так. — У неё денег жопой жуй. Она на вёдрах не ездит. Я ей говорю: «Здорова!» А она... — он щурился, додумывал на ходу, — на меня посмотрела... и захихикала. Глазки опустила. Застеснялась, понял? Я б ей тоже вдул, но некогда было.

Он уже сам верил в то, что говорил.

Тупое враньё. Она смеётся не так. Я, конечно, пока не слышал, но наверняка не так!

Но Стас сидел довольный, расплывшийся в улыбке, и я кивнул. Сделал вид, что поверил.

Стас сплюнул прямо под ноги на пол.

— Я в БК, там кэфы жирные завезли. И это... за пиво вернёшь до пятницы! Не торопись!

Вот урод! Я не стал уточнять, что такое БК и почему кэфы вдруг стали жирными. Какая разница. Он уходил, и это было главное.

Я решил сходить в колледж.

Завкафедрой обещал автомат, если помогу на складе порядок навести. Лето, никого нет — идеально.

Оделся. Спустился по лестнице. Тёти Лиды не было на месте.

На улице было зябко. Я пошёл в сторону колледжа. Руки в карманы, взгляд в асфальт. Считал трещины. Вот та, похо-

жая на молнию. Вот эта — на карту. А вот эта, глубокая, как Гранд-Каньон. Моя любимица.

Зашёл в шарагу.

На вахте сидела тётя Лида. Тётя Лида?

Странно. Обычно тут мужик сидел, пожилой. А тут она смотрела свой сериал на мониторе видеонаблюдения.

— Тётъ Лид? А вы тут почему?

— Мне перед тобой отчитаться? Вторую ставку взяла, — буркнула она, не отрываясь от экрана. — Пропуск есть?

— Так как же он будет? Вы же меня только вчера...

— Не положено! — рявкнула она. Рявкнула так, что кукурузная палочка выпала из пальцев и упала на клавиатуру.

— Тогда я в деканат иду, восстанавливать.

Я сделал шаг, но она проворно ухватила меня за рукав сквозь щель в окошке.

— Иди гуляй, Зайцев.

— Тётя Лида, ну пожалуйста...

Я прижал лоб к прохладному плексигласу. Плексиглас был мутный, в царапинах, и за ним тётя Лида казалась аквариумной пираньей — старой, злой, но всё ещё плавающей. «Пожалуйста», — подумал я с такой силой, что это было уже не просьбой, а мольбой человека, который не знает, куда себя деть.

Вдруг её хватка ослабла. Жевательные движения прекратились. Она будто против воли посмотрела мне прямо в глаза.

— Что это с тобой, парень?

Я открыл глаза.

Она смотрела уже не в глаза. Взгляд её скользнул и застрял.

— Ты чего... весь грязный какой-то, — пробормотала она хрипло. Голос у неё вдруг стал другой, не вахтёрский, а человеческий. — Иди уж... иди.

Она отпустила меня и отвернулась к журналу, но я чувствовал, как она оценивающе смотрит мне в спину.

— Но в журнал запишу. Ступай, оболтус.

Что это с ней? Почему передумала? Странно.

Эхо моих шагов в пустом вестибюле. Портреты почётных агрономов.

Лаборатория операторов машинного доения находилась в самом старом корпусе, в полуподвале. Дверь, в пухлой обивке, была приоткрыта.

Я заглянул.

Вдоль стен стояли разобранные доильные аппараты, их резиновые трубки вяло свисали вниз. В центре — два огромных, потрескавшихся макета вымени из розового пластика.

И там, у окна, за столом, сидела Катя.

На самом деле я, наверное, боялся её больше преподавателей.

Катя. Лаборантка с тяжёлой грудью, угадывавшейся даже под свитером, и с невероятно сильными, почти лошадиными руками, которые могли одним движением надеть доильные

стаканы на самое норовистое вымя. Она читала конспект, обхватив голову руками, и её густые каштановые волосы образовывали вокруг головы что-то вроде защитного купола.

Я замер на пороге, надеясь отступить незамеченным. Но скрип половиц выдал меня.

Катя подняла голову.

— Привет, — промычал я. Промычал — потому что как иначе в этом кабинете?

— Ты опоздал, — ответила она и снова уткнулась в конспект. — Я уже разобрала склад.

Я прошёл вдоль стола к дальнему макету, делал вид, что проверяю шланги. Тишина в комнате была плотная.

— Ты вчера на развозках был? — спросила вдруг Катя, не отрываясь от тетради.

— Был.

— И как? Много заработал?

Обычный вопрос. Но я вспомнил Лику.

— Нормально, — буркнул я.

— А я тут ветеринарные справочники смотрела, — сказала Катя, закрывая конспект. — Про стресс у животных. Знаешь? Это интересно. У коровы от сильного испуга молоко может превратиться в воду. Гормоны. Адреналин. Всё идёт в мясо, а не в молоко.

От неё веяло тёплым и в то же время пронзительным.

— Ты и сам похож на загнанную корову, Сём. Весь сжался. Шея напряжена. Глаза бегают. Что случилось?

— У меня палец торчит.

Я сказал это и посмотрел вниз. Палец действительно торчал из норки в кроссовке.

Катя проследила за моим взглядом. Посмотрела на кроссовок, на палец, потом на второй кроссовок — там дырки пока не было, но уже намечалась.

— И давно он у тебя торчит? — спросила Катя.

— Давно, — сказал я. — Месяца два. Может, три.

— А новый купить?

— Денег нет.

— Может, тебе надо... поговорить с кем-то? — спросила она. В голосе не было жалости. Было что-то другое. Что-то, от чего палец напрягся и попытался втянуться обратно, но дырка была маленькая, а палец — упрямый.

Катя встала из-за стола. Она была высокая, выше меня. Подошла к макету, к которому я прижался, и взяла в руки один из доильных стаканов.

— Знаешь, в чём главный принцип работы этой штуки? — Она говорила тихо, ласково поглаживая резиновую манжету. — Имитация. Имитация тёплого, мягкого, правильного прикосновения. Чтобы животное расслабилось. Доверилось. И отдало то, что у него есть. А потом... потом процесс идёт сам. Автоматически. Открываются все клапаны. Остаётся только принять.

В коридоре раздались шаги. Шаги были преподавательские.

Катя положила стакан обратно. Стакан стукнул о пластик, и звук был какой-то неприличный. Она собрала вещи, закинула рюкзак на плечо и пошла к выходу. На пороге обернулась.

— Послушай. Я сегодня написала заявление. После каникул уже не вернусь. Хочу что-то изменить в жизни. И если вдруг тебе представится возможность тоже, ты не держись за старое. Я не держусь.

Она закусила губу. Развернулась. И ушла.

А я остался стоять, глядя на свою ногу. Палец по-прежнему торчал. Но теперь он торчал как-то по-новому. Не как признак бедности, а как что-то, что я должен был решить: то ли засунуть обратно, то ли высунуть окончательно, раз уж начал.

Я пошевелил им. Палец шевельнулся в ответ. Свободно, легко, как будто ему нравилось на свободе.

— Идиот, — сказал я пальцу.

Палец не ответил. Он был выше этого.

Я опустил на табурет у стола. Катя...

Я вдруг поймал себя на дурацкой мысли: завидую. Катя ушла. Просто ушла. А я? Я уже два года тут торчу, как этот стакан на макете. Присосался и вишу. Просто потому, что тут был самый низкий проходной балл.

Я провёл пальцем по розовому пластику вымени. Знаете, в чём разница между мной и коровой? Корову доят, потому что ей некуда деться. А меня... меня доят, потому что я сам

не уйду.

За открытым окошком под потолком дворник работал метлой. Шшш-шшшхх... шшш-шшшхх...

Я вдруг отчётливо понял: если я сейчас не сделаю какую-нибудь херню — я тут и останусь. В этом подвале. На всегда.

Глава 4 Океанариум «НЕПТУН»

Я всегда был...

...тем, кто смотрит из окна, пока другие играют внизу.

...тем, кому говорят «не лезь», потому что всё равно не получится.

...тем, кто подбирает то, что выбросили.

Я всегда был аутсайдером.

В команде. В списке. В очереди.

Я стоял с краю и ждал, пока кто-то заметит.

Нихрена подобного! Никто не замечал!

Даже птицы.

Мне тогда было двенадцать. Она билась у забора, крыло

волочилося. Мальчишки хотели тыкать её палками, я заступился. Они побили меня, но отстали от вороны. Надавали пошее, называли «зайчик дохлый» и ушли смеяться.

Я забрал ворону. Посадил её в коробке в подвале и каждый день выхаживал. Три недели кормил хлебом, размоченным в молоке.

Это было в пионерлагере. Нас, детдомовских, возили туда иногда. Костёр, горн по утрам. Я запомнил этот запах — хвоя, дым, утренний туман над прудом.

А потом пришёл дядя Марк.

Я плохо помню его лицо — только очки и длинное пальто. Он появился из ниоткуда, как всегда. Присел рядом со мной на корточки, посмотрел на ворону, которая сидела в коробке и тарасилась на него одним глазом.

— Ты её спас?

— Да.

— Молодец, Семён. — Он протянул мне шоколадку «Вдохновение». — А тебе снятся сны, Семён? Про кого-нибудь... похожего на тебя?

— Нет, — ответил я.

— Ничего, — сказал дядя Марк, — это хорошо.

— Дядя Марк, а у меня есть кто-нибудь?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... родные. Мама. Папа.

Он помолчал. Положил руку мне на голову — широкую, тёплую.

— У тебя есть я, Семён. Запомни это. Что бы ни случилось — я всегда рядом.

Он погладил меня по голове и ушёл. Как всегда — внезапно.

А ворона потом улетела.

Даже не оглянулась.

Я тогда подумал: зачем я вообще лез? Она же птица. Ей всё равно, кто её спас. Она улетела и забыла.

Но дядя Марк говорил иначе. Он говорил, что это важно. Что я — особенный.

Я не знал, почему он так думал. Он приходил иногда, приносил еду, деньги, задавал вопросы про сны. А потом исчезал. Воспитатели говорили, что он мой «опекун». Но я не верил. У меня не могло быть опекуна. Я был никто. Я был мальчик из коробки, которую нашли на ступеньках детдома с запиской «Назовите Зайцевым».

Теперь я вдруг понял: я не вспоминал о нём годами. А сегодня — вспомнил. Почему?

Глупость, наверное.

Я вернулся в общагу.

Взял телефон с зарядки. Курьерскую сумку.

Я уже собрался выходить, когда в дверь постучали. Стук был такой, будто человек заранее знал, что дверь отпрут, и не видел смысла в лишних усилиях.

И я действительно подошёл и открыл.

На пороге стоял дядя Марк. Я узнал его даже не по лицу,

а по складкам пальто. Точно такое же, как в моих воспоминаниях. Те же очки в тонкой оправе. В руке — пакет.

— Здравствуй, Семён, — рассмеялся он. — Давно не виделись. Ты вытянулся. Или это мне кажется от того, что я ссутулился?

Я стоял и хлопал глазами.

— Дядя Марк? — я не мог поверить своим глазам.

Я бросился обнимать его. Он тоже крепко обнял меня. И мне даже показалось, что в морщинках его глаз проступили слёзы.

— Мне внизу вахтёрша сказала, ты тут, — он кивнул куда-то в пол, обозначая низ. — Чудесная женщина.

— Проходи, — сказал я.

Он оглядел комнату, поморщился.

— Неважно выглядит.

— Как ты меня нашёл? — я не мог поверить своему счастью.

Он поставил пакет на стол. Изнутри пахло магазинными продуктами.

— Я принёс, — сказал он. — Тут супермаркет у вас. Поешь. Хотя ты и сам теперь продукты возишь. Целый курьер. Я за тобой иногда наблюдал. Ты быстро едешь. Рискованно.

Я смотрел на пакет, потом на него. В голове не укладывалось.

— Мы так давно не виделись, — промямлил я. — Всё это время. В детдоме, потом... ты подкидывал деньги, я думал,

это ошибка.

Он улыбнулся. Улыбка была доброй.

— Ты рос. Становился сильнее. Умнее. Я гордился. Я подумал, тебя уже не нужно опекать.

— Дядя Марк. Но кто ты? — голос дрогнул. — Ты же не опекун?

Он не ответил. Подошёл к окну, посмотрел во двор.

— Скоро ты многое узнаешь, Семён. А пока... — он кивнул на пакет, — ешь. Силы понадобятся.

Он направился к двери.

— Постой! — я даже не понял, как это вылетело. — Давай хоть чаю?

— Не беспокойся. Мы скоро увидимся, — ответил он, не оборачиваясь. — Ещё попьём чаю.

Дверь закрылась.

Пакет с едой хрустнул. Из него торчала булка и что-то зелёное, как укроп.

Я посмотрел на пакет. Потом на дверь. Потом снова на пакет.

Так. Что это было? Серьёзно? Столько лет молчания — и вот это? Зашёл, сказал «силы понадобятся», сунул пакет и ушёл?

Я даже заглянул внутрь. На всякий случай. Вдруг там письмо или ключ от тайной комнаты. Там были пельмени. Сметана. Никакого письма.

Телефон завибрировал.

Я вздрогнул, выхватил его — вдруг опять Лика.

Нет. Приложение курьера. Новый заказ.

«Портовая, 17-Б. Срочно. Океанариум Нептун. Северный вход».

Я тряхнул головой, ткнул «Принять». Всё равно думать о том, что сказал дядя Марк, было некогда.

Заказ: «Минералка и устрицы со льдом. Имя заказчика: Артемида».

Артемида. Я потом, уже на ходу, зачем-то загуглил, пока светофор горел красным. Богиня охоты. Дочь Зевса. С луком и стрелами. Она мужика превратила в оленя и затравила собаками за то, что он увидел её голой.

Я закинул термосумку, вжал кнопку газа и рванул.

Я не думал, почему именно этот заказ пришёл мне. Почему «срочно». Я просто ехал, и ветер бил в лицо.

Я нёсся на своём искорёженном электровелосипеде. Как олень, который ещё не знает, что он уже олень.

«ОКЕАНАРИУМ НЕПТУН»

Океанариум «НЕПТУН» оказался не там, где ему полагалось быть по логике города. Он стоял в промзоне, за бетонными гаражами, которые когда-то были чьим-то бизнесом. Само здание напоминало брошенный космический корабль, который приземлился не туда. Буквы на вывеске облупились, и «НЕПТУН» читалось как «ЕПТИ», и я подумал, что это тоже правильно. Северный вход. Дверь приоткрыта на палец. Из темноты тянуло солёной водой и йодом.

Я стоял с термосумкой в руках, прижимал её к груди, как щит. Внутри — бутылка «Peggie» и три устрицы во льду. Три перламутровые раковины. Три закрытых рта.

Дверь захлопнулась за спиной сама, с металлическим стуком.

Темнота. Я включил фонарик на телефоне, но он выхватывал только метр передо мной — пол, покрытый соляным налётом, стены в потёках, дальше — чернота. Где-то в глубине здания щелчки. Ритмичные, приглушённые. Как будто огромное насекомое двигает жвалами.

Я шёл на звук.

Щелчки становились громче.

Зал.

Когда-то здесь был главный аквариум.

А в центре этого зала, в луче софита, стояла ОНА.

Я узнал её не по лицу. Я вообще лица сначала не увидел. Я узнал её по форме. По изгибу позвоночника, который виден под кожей, когда она стояла вполоборота. По тому, как рыжие волосы падали на лопатки.

Она была полуобнажена. Чёрная паутиность белья облепляла её тело. На плечах накинута мужская рубашка. Она сбилась на один бок, открывает ключицу и бретельку бюстгалтера. Волосы взлохмачены нарочно.

Она стояла спиной к трещине в аквариуме.

Фотограф сидел на корточках и щёлкал. Тощий, болезненный мужик в чёрном, лицо скрыто камерой.

— Да... Прекрасно. Гнев. Дай мне гнев. Ты — шторм, запертый в стекле. — Голос у него был шепчущий. — Бей его. В дребезги. Покажи клыки. Клыки, Лика. Я знаю, они у тебя есть.

Она повернула голову. Её взгляд скользнул по залу, нашёл меня в темноте.

У меня кровь прилила к ушам. Я чувствовал, как наливаюсь жаром, и ненавидел себя за это. Я не должен был это увидеть. Она полуголая, это съёмка, я здесь чужой, я должен отвернуться.

Но я не отвернулся.

Я видел изгиб её бедра. Тень под грудью. Мерцание кружева на талии.

— И... закончили. — Фотограф опустил камеру. — Блестяще, Лика. Материал бомбический. Бомбический, говорю тебе. Они потекут.

Она с грацией большой кошки сбросила рубашку на пол. Будто это какой-то мусор.

— Спасибо, Лёша. Жду превью. — Она даже не смотрела на него. Она смотрела в мою сторону, но не на меня, а куда-то сквозь. — Устриц хочешь?

— Нет, я пойду монтировать. Горю.

Фотограф исчез в темноте с другой стороны зала.

Мы остались вдвоём.

Она босиком ступала по солёному полу, приближаясь ко мне. Я слышал, как её пятки отлипают от влажной плитки

— чмок, чмок, чмок.

— Вы с доставкой? — Голос был чуть усталый. Будто она меня не узнала.

— Д-да, — выдавил я. — Там было для... Артемиды? Это вы?

Она подошла ближе. Теперь между нами был метр. Я почувствовал её духи, которые уже выветрились.

Она кивнула на груды ящиков в углу.

Я поставил туда сумку. Я старался не смотреть на неё, но краем глаза видел, как она приблизилась, как двигались её бёдра под кружевом.

Она открыла контейнер. Лёд дымился, выпуская облачко холодного пара.

— Кто бы мог подумать, — сказала она, — что на этот заказ приедете именно вы. Удивительное совпадение. Или несовпадение?

Она извлекла раковину. Ловким движением пальца вскрыла створки. Устрица открылась, обнажая серую, влажную, слегка дрожащую плоть.

— А вы, Семён, когда-нибудь пробовали устрицу?

Я вздрогнул, когда она произнесла моё имя.

— Нет, — шепнул я.

— Напрасно. — Она повернулась ко мне, поднесла раковину к моему лицу. Я почувствовал холод. — Это уникальный опыт. Вкус океана. Его нельзя жевать. Его нужно принять. Всё целиком. Позволить ему скользнуть внутрь. По-

пробуйте.

Я смотрел на устрицу. Она была похожа на... я не знаю, на что она похожа. На какую-то тошноину.

— Откройте рот.

Я открыл. Дебил.

Она приставила край раковины к моим губам. Коснулась холодным перламутром нижней губы. Это прикосновение было таким лёгким, что казалось, будто меня поцеловала рыба.

— Голову назад. И... глотай.

Ну хорошо... Я должен признаться, это довольно странно, но ведь что не сделаешь, когда такая красавица приказывает. И я сделал.

Холодное, скользкое, солёное проскользнуло в рот, коснулось языка, нёба, и я глотнул. Оно проскользнуло в горло целиком, не разжёванное, не распробованное. Я чувствовал только текстуру — упругую, гладкую, живую. Я сглотнул. Меня чуть не вырвало.

— Ну вот и хорошо, — произнесла она. В её голосе было удовлетворение.

Она отставила пустую раковину. Взяла с ящиков огромную кожаную сумку, порылась в ней и достала мой студенческий с замятыми углами.

— Это вам. Возвращаю за скорость.

Я взял. Наши пальцы встретились. Её кожа была прохладной.

— Устрицы, Семён, — сказала она, не убирая руку. — У них ведь нет мозга. Совсем. Но когда внутрь попадает песчинка, они обволакивают её перламутром. Год за годом. Пока песчинка не становится жемчужиной.

Я понял: устрица — это я. И у меня нет мозга. Спасибо. Очень приятно.

— А вы знаете, что внутри вас? — спросила она.

— Я не очень-то хочу этого знать, — сказал я. Кто знает, что у неё на уме.

Она улыбнулась. Пальцы тянулись к кольцу на пальце.

— Бойтесь?

— У меня заказ был. Я выполнил. Мне в целом пора ехать...

— А если я скажу, что вы — жемчужина? — Она сняла кольцо. Положила на стол. — Что вы не такой, как все. Что мир вокруг — декорация, а вы в ней — один из немногих живых.

Уголки моих губ поползли вниз.

— Это вы про что?

Она вздрогнула.

Не сильно. Едва заметно. Но я видел: её глаза — на секунду — стали вертикальными. Зрачки вытянулись, заливая янтарную радужку чёрной щелью. Лицо дёрнулось — под кожей пробежала волна, и на секунду проступило что-то острое, рыжее.

— Что это? — выдохнул я. Голос не слушался.

Она сделала шаг ко мне. Теперь она была выше. Или мне казалось.

— Нас больше, чем вы думаете, Семён. — Голос её стал гортаннее. — И вы — один из нас.

— Я не... — начал я.

— Вы — заряженный. Как и я. Просто ещё не знаете об этом.

Я смотрел на неё и не понимал. Это розыгрыш или бред.

Она протянула руку. Не ко мне — к столу, где лежало кольцо. Надела обратно. Спокойно.

— Вы же хотите.

— Не хочу. Мне пора.

Она улыбнулась. Чуть-чуть, уголками губ.

— Хотите!

И в этот момент мне, по всей вероятности, стоило бы побыстрее уйти от этой неумняемой женщины, но вместо этого я вдруг понял, что действительно хочу.

Она смотрела на меня. Ждала. В её глазах — янтарный свет софита, который всё ещё горел, хотя съёмка давно кончилась.

— Идём?

Она протянула руку. И я увидел: это уже не рука. Лапа. Мохнатая, рыжая, с длинными когтями, покрытыми чёрным.

— А это... далеко?

Она улыбнулась.

Я увидел клыки.

Острые.

Белые.

Их было много.

Глава 5 Ночные Ряды

Мы вышли из океанариума. Ночь. На парковке стояла её машина. На крышке багажника блестели буквы — 200 Е. Фара всё так же была разбита — и в темноте этот провал смотрелся как подбитый глаз. Я подумал: если бы у машины был глаз, он бы плакал.

— Садитесь, — сказала она.

Я сел на пассажирское сиденье. В салоне пахло кожей. Её кожей.

Она завела машину. Мы тронулись.

Город быстро кончился. Фонари поредели, дома исчезли. А ведь мы вроде не так долго ехали, чтобы город вот так взял

и кончился. Я-то его знал: я по нему полтора года лапшу развозил, и он не кончался никогда, он просто перетекал в другой город, а тот — в третий, и так до самого края области, а края области я не видел, но слышал, что там лес и болота, и люди там живут другие, которые не заказывают лапшу.

— А куда мы? — спросил я.

— Мы едем за покупками, Семён. Хочу сделать вам подарок. Мы уже почти на месте.

Покупки в лесу? Она точно не в себе. Но я молчал, потому что отказываться было уже поздно, да и неудобно как-то: человек меня сбил, потом покормил устрицей, потом показал когти, а теперь везёт в лес за подарком. В этой последовательности не было логики, но был какой-то ритм.

Она вдруг выключила фары. Резкий провал!

Ну вот и всё, подумал я. Она угробит нас обоих, а завтра в новостях покажут: «В лесу разбился автомобиль. По факту ДТП проводится проверка». И тётя Лида даст интервью: «А я ему говорила: носи пропуск! Вот, пригодился для опознания».

Машина как будто летела в овраг. Но удара не было. Лес кончился. По очертаниям теней я понял, что мы выехали на пригорок, и Лика остановила машину.

— Выходите.

Я вышел. В лицо ударил ветер — тёплый, пахнувший чем-то сладким и пряным.

Внизу, в долине, горел город.

Вернее, он не горел, а светился. Каждый дом был обведён неоновым кругом, но неон здесь был живой — он дышал. Крыши острые, как зубы. Трубы дымили разноцветным дымом. Где-то играла музыка, очень низкая, и от неё вибрировали зубы.

— Добро пожаловать в Ночные Ряды, — сказала Лика.

— Это... город?

— Рынок. Самый большой рынок для заряженных на постсоветском пространстве. — Она усмехнулась.

Мы спустились вниз по утоптанной тропе, и через пять минут я уже стоял у входа. Ворот не было. Вместо них — арка из огромных железнодорожных шпал, вертикально врытых в землю.

За аркой была толпа.

Я никогда не видел столько странных людей (людей ли?) в одном месте.

Вот мужик в ватнике продавал с лотка клыки. Разложены по размеру, как на рынке — огурцы.

— Вторые клыки! Свежие! Сам вырывал! — орал он.

Рядом с ним старуха в платке торговала пузырьками. Мутная жидкость, в которой плавали... пальцы? Я отвернулся. Не потому, что мне было страшно или противно, а потому, что один из пальцев был похож на мой.

— Говорят, он проснулся, — сказала старуха соседке.

— Типун тебе на язык. — Соседка сплюнула через левое плечо. — Быть этого не может.

— Люди врать не будут. А только говорят, его кто-то позвал. — Старуха понизила голос до шёпота. — Говорят, старая кровь вернулась.

Ли́ка вдруг ускорила шаг, потянула меня за руку.

— Идём сюда, — сказала она резко.

Дальше — палатка с приборами. На прилавке — осциллографы с зелёными экранами, на которых бежали волны. Рядом — большой такой приёмник на ножках, на котором написано «Ригонда», тёплый воздух выходил из динамиков, и в этом дыхании слышался неразборчивый голос.

Мы вышли к лотку. Бутылки, гранёные стаканы. На каждой бутылке была цена — 9 рублей 10 копеек. На каждом стакане — 2 рубля.

Я посмотрел на торговца:

— А это что?

— Ты блаженный, что ли? — ответил он. — Это беспомельная! Разработка, ёпт. Закуски не надо. Хоть три литра выпей — утром не заболеешь.

Водка в стакане была такая прозрачная, что казалось — внутри только воздух.

Мы подошли к лавке, над которой висела вывеска: «Изделия 4. Векшин М.П. СПЕЦИЗГИЗДАТ».

Внутри было темно. Но пахло свежими мандаринами, как на Новый год.

— Векшин! — позвала Ли́ка. — Клиента привела.

Из тени вышел мужичок. Тощий, лысый, в пенсне на ве-

рёвочке. На шее у него висели провода — десятки проводов, разных цветов и размеров. Они шевелились, как змеи.

— Лисова, — кивнул он. — Опять кого-то притащила.

— Это Семён, — сказала Лика. — Семён Зайцев.

Старик замер. Поднял пенсне. Посмотрел на меня долго и серьёзно.

— Зайцев? — голос у него был скрипучий. — Это шутка?

— Я не шучу с такими вещами.

Векшин обошёл меня вокруг. Пощупал плечи, спину, за чем-то заглянул в уши.

— Тощий... — бормотал он. — Хлипкий... — Он остановился напротив. — Уши...

Векшин усмехнулся. Отодвинул прилавок — тяжёлый, лаковый, из тех, что ставят на веки вечные. Полез куда-то вглубь, в самую душу своей мастерской. Я слышал, как там что-то шуршит, позвякивает, будто живое.

Достал.

Маленький кассетный плеер. В потёртом пластиковом корпусе. На крышке — золотыми буквами: «GoldStar».

Векшин держал его на раскрытой ладони, не спеша отдавать. Смотрел на плеер, будто прощался.

— Держи.

Я взял. Тяжёленький.

— Это что? Музыку слушать? У меня и кассет нет.

— Будут, — Векшин поправил пенсне. — Это твой якорь. Держи при себе. Всегда! Если почувствуешь, что внутри под-

нимается что-то... дикое... он включится. Сам. И будет держать тебя. Только не вздумай его выкидывать в такой момент.

Я сунул плеер в карман. В тот самый, порванный. И сразу же почувствовал, как он проваливается, и пришлось ловить его через дырку, и это было так неловко. Но Векшин и Лика сделали вид, что ничего не заметили.

— Мы берём. Сколько? — спросила Лика.

Векшин почесал лысину.

— Ты хочешь меня обидеть? Для Зайцевых — бесплатно.

Я хотел спросить, почему для Зайцевых бесплатно, но Лика уже открыла дверь.

Я торопливо вышел за ней.

— До свидания, — сказал я.

— До встречи, — ответил Векшин.

Мы вышли из лавки. Толпа гудела и воняла. Я хлопнул по карману. Проверил плеер.

Лика остановилась у развала с одеждой. Старуха в платке развешивала телогрейки. Синие, ватные, как из прошлого века.

— Девушка, можно вас? — Лика кинула продавщице мятые бумажки. С Лениным. Я таких живём не видел.

Лика указывала старухе на телогрейки. Та покорно доставала одну за другой. Они обсуждали товар и цену, тыкали советскими бумажками, морщились. Я стоял рядом, переминался с ноги на ногу, трогал плеер.

И тут за спиной раздалось:

— Здравствуй, Семён.

Я вздрогнул. Повернул голову.

Рядом, привалившись к столбу, стоял мужик. Лет шестьдесят, седой ёжик, лицо помятое, но глаза острые. В мятой клетчатой рубаше, штаны на подтяжках прикрывали пузо. Сапоги натянуты прямо поверх брюк. В руке дымился стакан в подстаканнике. Витиеватый, железный, поездной.

— Откуда...

— Знаю, — перебил он. — Я много чего знаю. Меня зовут Павел Евграфович. Но все почему-то за глаза зовут Евграфычем! Неуважительно как-то, мне кажется.

Он подул на чай, который дымился в железнодорожном подстаканнике, и я подумал, что где-то я уже видел этот подстаканник и эти пухлые пальцы, обхватившие его, но понять, где именно, не успел, потому что он сказал:

— Я друг Лики. А что ж она тебя тут бросила? — он кивнул в сторону развала. — А, вон она, с бабкой грызётся. Любит она эти телогрейки. Для каждого нового — обязательно телогрейка. Традиция.

— Вы тут работаете? На рынке? — спросил я.

Евграфыч отхлебнул из кружки.

— Не-е-ет. Я в лагере работаю. Поедешь к нам на смену? — мне показалось, он подмигнул. — Это вроде курсов повышения квалификации.

Я не знал, что надо отвечать в таких ситуациях, когда

незнакомый мужик зовёт тебя в лагерь, поэтому предпочёл промолчать.

— Семён Зайцев. — продолжил Евграфыч. — Фамилия у тебя, парень, непростая. Были когда-то Зайцевы... Большая семья. Сильная. Потом... Не осталось никого. Думали, кончились все тридцать пять лет назад. А ты вон... последний, как будто, да?

— Ты чего про мою семью хочешь сказать? — голос у меня сорвался, потому что про семью свою слушать от какого-то алкаша на базаре я слушать не собирался. — Я тебя не знаю. Ты мне никто.

— Ты не кипятись. Я ничего не хочу сказать. Я старый, мне положено просто чай пить и помалкивать. Но ты из другого теста — ты малый хороший. Ворону спас однажды, помнишь? Не теряй себя, Семён.

Он перевернул кружку вверх дном — ни капли не упало. Потом вернул как было и отхлебнул.

— Ладно, иди к ней. Она уже выбрала. — сказал он. — Но смена в лагере уже началась. Мы с нетерпением тебя ждём.

Я хотел задать этому старому хрену ещё много вопросов, но когда я открыл рот, Евграфыча уже не было. Толпа сомкнулась за его спиной, и я не мог понять, куда он делся и вообще, был ли он.

Последний... Я никогда не думал о себе так. Я думал: Семён Зайцев. Сирота. Курьер. Будущий оператор машинного доения. По факту никто.

А теперь — последний.

Идиотская, сладкая, невозможная мысль. Я радовался ей, как ребёнок, и тут же сам себе не верил. Потому что не могло быть. Потому что я просто я. А тут какой-то маргинал в подтяжках лезет с разговорами про семью, про ворону... Откуда он про ворону знает? Зачем?

А спросить уже некого. Евграфыча нет. Толпа его съела.

Я зажмурился. Меня не покидало ощущение нереальности. Я всё ждал: вот-вот открою глаза и проснусь у себя в общежитии.

Открыл глаза.

Ни хрена не исчезло.

— Семён! — голос Лики нарезал рыночную пустоту на тонкие ломтики. — Вы где? Идите сюда, мерить будем!

— Вот. — Она протянула мне ярко-рыжую телогрейку. — Вам с вашим пальчиком больше бы подошли кроссовки, но сегодня в ассортименте только телогрейки.

— Да не надо... Это же... телогрейка, — сказал я, вжимая пальчик. — Мне в ней жарко будет.

Но она настояла.

Я сразу переложил плеер в телогрейку. Она была тёплая. Мягкая. И пахла... лесом? Или просто старой плесенью? Я не понимал. Но внутри сразу становилось спокойнее. Как будто она меня укутала.

— Ну как? — переспросила она. — Жарко?

— Как будто... дома, — сказал я и сам не поверил своим

словам.

Дома у меня никогда не было.

— Идём отсюда, — она взяла меня за руку.

Она была восхитительна. Её тонкие цепкие пальцы царапали мою ладонь, но мне было не больно.

Мы вышли с рынка под утро. Лика вела меня сквозь толпу, и я даже не заметил, как мы снова оказались у её машины. Я оглянулся — внизу растворялись Ночные Ряды, их звуки стихли, осталось только низкое гудение.

Лика села за руль.

Телогрейка была слишком пухлая. Я стянул её, свернул и засунул в сумку.

Мы ехали молча. Город наползал постепенно — сначала редкие огни, потом фонари, потом многоэтажки. Потом промзона.

Лика остановила машину у океанариума. Мой электровелосипед ждал на парковке. Одиноким, ничей. Его почему-то не украли.

Я не вылезал.

— Я на базаре встретил мужика, он сказал, что он ваш друг.

— Павел Евграфович, — кивнула она. И в этом кивке было что-то такое, будто она знала, что он появится. Будто она специально меня туда привела, чтобы мы встретились, и теперь она просто ждала, когда я сам до этого дойду. — Он приглашал вас в лагерь?

— Да я вроде бы уже перерос.

— Не сомневайтесь, — она улыбнулась, и я увидел, что улыбается она не так, как утром, когда сбила меня машиной, и не так, как в океанариуме, когда кормила устрицей. — Там ваше место, среди своих. Для многих это первый шаг. Лагерь — это возможность получить базу. Кто-то после него возвращается к обычной жизни, но уже более уверенным в себе.

Я помолчал. Потом спросил:

— Евграфыч что-то говорил про мою семью. Про Зайцевых.

Лица отвела взгляд. На секунду — всего на секунду — её лицо стало закрытым.

— Евграфыч много чего знает, — сказала она. — Но рассказывает только то, что хочет.

Она протянула руку и провела по моим волосам.

— Не волнуйтесь. Я позабочусь о вас.

— Спасибо вам... — слова потекли сами, я не успел их остановить. — Вы знаете, Лица, этот вечер... Как будто всё всегда так и должно было быть. Наверное, потому что... вы были рядом.

Я сказал это и сразу пожалел, потому что это звучало как признание в любви, а признаваться в любви женщине, у которой есть когти, — это вообще-то не лучшая идея.

Она улыбнулась.

— Отсюда вы доберётесь без моей помощи, Семён.

Заигнорила. Но я не подал виду.

«Мерседес» уехал, а я смотрел ему вслед. Ей вслед. Это уже входило в привычку.

Я остался один на пустынной улице.

Сел на велик. Колесо было восьмёркой. Я поехал на базу.

Глава 6 Белые кроссовки

Я сдал терминал. Оставил велосипед. Хотелось прогуляться.

Утро вставало серое, мокрое. Город просыпался, но мне казалось, что я всё ещё там, в Ночных Рядах.

Термосумка висела на плече, внутри — рыжая телогрейка и жужжащий плеер.

Я шёл к общаге. Ноги несли знакомым маршрутом, мимо трещин в асфальте. Вот та, что похожа на молнию. Вот эта — на карту. А вот и она, моя любимица, та, что как Гранд-Каньон. Я же уже это, кажется, говорил?

Я думал о Лике. О том, как она сказала: «Я позабочусь о

вас». Это же неправда: она будет рядом только пока ей что-то от меня нужно. Наверное. Но когда она сказала эти слова, я забыл, что это неправда. Я провалился в них и не хотел выныривать. Я так ушёл в свои мысли, что не сразу понял: впереди кто-то стоит.

Под фонарём, который не горел. Бомбер на одном и кипенно-белые кроссы на другом. Их положение — между двумя складами — перекрывало единственный проход.

Я замедлил шаг. Может, просто ждут кого-то? Может, пройду мимо, не заметят?

Тот, что в бомбере, повернул голову.

В темноте блеснул белок глаза. Он смотрел прямо на меня.

— Слышь, земляк, тормозни-ка, — голос был такой, будто он только что выпил не закусывая.

Моя нога сама сделала шаг в сторону, в тупик, заваленный паллетами.

— Зачем? — спросил я по-детски.

Второй кое-как задвигался. Его лицо было обычным. Таким обычным, что такие лица всегда забываешь через минуту после того, как увидел.

— Расслабься, — сказал Человек-в-бомбере. — Поговорим. О твоей новой... благотельнице.

Он произнёс это слово — «благотельница» — так, будто сплюнул мокроту прямо в лицо всему, что оно означало.

— Я не знаю, о чём вы, — выдавил я.

— Ну конечно не знаешь, — оскалился Бомбер. — Она хочет использовать тебя. А ты и рад.

Бомбер шагнул ближе. Я выронил из рук курьерскую сумку, и она упала с влажным шлепком на мокрый асфальт.

— Она тебе что-то рассказала? — спросил человек в кроссах. Голос у него был монотонный, скучный. — Про силу? Про ЯР? Про НЕГО рассказала?

Я метнул взглядом по сторонам. Мусор. Арматура, торчащая из кусков бетона. Обломок кирпича с острыми гранями. Осколки бутылочного стекла, тускло поблёскивающие в синем свете.

— Ничего она мне не говорила. Я вообще не знаю, про что вы. — Я попятился, но контейнер был сзади, и деваться было некуда. — Я просто курьер. Я лапшу развожу.

— Честно тебе скажу: нам всё равно, что ты ответишь, — вздохнул Бомбер. — Нам просто заплатили за этот спектакль, но ты же всё равно никому не расскажешь.

Он обернулся к напарнику.

— Покажи ему, Витя.

Человек-в-белых-кроссовках — Витя — полез за пазуху. Достал металлический тубик. На конце — тонкое жало. Внутри болталась мутная, молочная жидкость. В свете фонаря она казалась ядовито-живой.

Даже устрица не выглядела так отвратительно.

— Это укольчик, — ласково сказал Бомбер. Он напоминал папу, который уговаривает ребёнка сделать привив-

ку, только в этом папе не было ничего папиного. — Мой друг сейчас сделает тебе его. Немного поболит. Поспишь. А проснёшься — и всё пройдёт. Как страшный сон.

— Или не проснёшься, — равнодушно добавил Витя. Он рассматривал шприц на свет, проверяя, нет ли там пузырьков. — Это уж как карта ляжет.

Я смотрел на этот тубик. Я точно помню этот момент. Сейчас, когда я вспоминаю, всё в голове перемешивается: боль, свет, их лица, но этот момент — чистый. Я стоял, прижатый спиной к контейнеру, и смотрел, как Витя приближается ко мне это жало. И в голове была не мысль. Даже не страх. Было ощущение, что всё происходит не со мной. Что я смотрю на себя со стороны. На ушастого парня, которого сейчас будут колоть какой-то дрянью в проходе между складами, и никто никогда не узнает, что с ним случилось.

Я зажмурился. В голове билась одна-единственная, паническая мысль: «Не хочу... не хочу... НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ!»

И в этот момент мир щёлкнул.

Щелчок — и всё, кадр готов, но ты не знаешь, что на нём получилось. На секунду я увидел не переулочок. Я увидел темноту. Воду по пояс. Холодную, тяжёлую, пахнущую старьём. И нечто, что стояло в этой воде. Сломанное. С торчащими позвонками, как будто его собрали из того, что выбросили на свалку. Оно повернуло ко мне лицо — там, где должны быть глаза, были две чёрные дыры, и из этих дыр тянуло сквозняком. «Давай, — сказал знакомый голос. — У тебя получит-

ся. Только не бойся».

Я вернулся в реальность так резко, что чуть не упал.

Но не упал.

Вместо этого я почувствовал спиной холодную стену контейнера. А ещё я почувствовал пульс Бомбера. Я чувствовал, как воздух со свистом входит в его прокуренные лёгкие. Я чувствовал сомнение нападавших — тонкую ниточку страха, что мелькнула у них в голове, когда они увидели мои открывшиеся глаза. Я чувствовал их, как чувствуешь собственные пальцы, когда сжимаешь их в кулак. Их страхи, их пульс, их гнилые зубы — всё это стало моим.

Потом была боль.

Сустав наизнанку.

Рука двигается сама.

Не я решаю перехватить его запястье. Это просто происходит. Как чих.

Пальцы выворачивают его кисть. Хруст. Шприц оказывается у меня.

Одно движение — и жало входит ему в грудь. Прямо в бомбер.

Он хрипит, хватается за шприц, оседает. Без звука.

Второй кричит. Я не слышу звука — только чувствую вибрацию.

Он летит на меня.

Кулак — медленный.

Вижу каждую складку кожи на костяшках. Грязь под ног-

тями. Вену, которая бьётся на запястье.

Я просто убираю голову. Сантиметров на десять.

Кулак проходит мимо уха — ветерок.

А когда его тело пролетает мимо, я встречаю своим локтем его затылок.

Он сам себя об него бьёт. Всем весом. Со всей дури.

Шея складывается.

Он падает. Из уха течёт кровь. Она заливает его кроссовки. Белые. Теперь красные.

Потом тишина. И только мои пальцы дрожат. Мелко. Быстро. Как будто в них застрял ток.

Они лежат. Один — на спине, из груди торчит шприц. Второй — на боку, поджав колени, будто спит. Кроссовки красные. От крови.

Я вытер пальцы о штаны. На них не осталось ничего. Чисто. Аккуратно.

Мозг застыл от ужаса. Замер, свернулся в комок где-то в позвоночнике, отказался выполнять свои мозговые функции. Это как вообще? Это я сделал?

Я не стал ждать. Я не стал проверять, дышат они или нет. Я подхватил с земли свою сумку и побежал.

Я бежал так, как не бегал никогда. Сейчас я бежал за всю жизнь, в которой не любил бегать.

Я свернул за угол, вдохнул — и замер. Обернулся.

Там, в конце прохода, стоял кто-то.

Я не разглядел лица. Он не двигался. Сердце ухнуло ку-

да-то вниз. Я моргнул.

Силуэт исчез.

Я протёр глаза. Никого. Только ветер.

Я согнулся пополам, упёрся ладонями в колени. Воздух — ртом, носом, ртом — не хватало, чтобы дышать.

— Прекрати! Слышишь? Прекрати! — Я ударил себя по щеке. Раз. Другой! — Там никого. Никто не придёт. Дыши! Хррр... Нет. Дыши. Что с тобой? ... ты вообще там не шёл. Иди!

И я пошёл.

Стопа подвернулась, но я не упал.

Я держал себя. Прятал себя... внутри себя. Шёл туда, где заканчивались склады.

Шаг. Шаг. Шаг.

Дошёл до общаги.

Тёти Лиды не было. Я поднялся на свой этаж. Зашёл в комнату.

Стас храпел так, что дрожала перегородка. Я закрыл дверь, задвинул табуреткой, лёг на пол.

И думал.

Как это?

Это вообще было реально? Всё это? Весь этот грёбанный день.

Я достал телефон.

Посмотрел на экран.

Ни звонков. Ни сообщений. Мир жил своей жизнью, не

зная, что только что в переулке между складами двое людей перестали быть его частью. И что в этом есть чья-то вина.

Моя вина.

У Стаса в этот момент, видно, случилась остановка дыхания, и он всхрипнул за ширмой так, что вскрикнул. А я лежал на полу, прижавшись щекой к холодному линолеуму, и думал, что лучше пусть бы те двое меня добили. Честно. Потому что через каких-нибудь десять лет я ведь буду так же вонять пивом, врать про женщин, которые меня даже не видели, и никто — никто! — не вспомнит, что когда-то я был другим.

Бред! Какой бред!

Знаете, чего я хотел на самом деле? Не пива со Стасом, не доильных аппаратов, не этой вонючей общаги.

Я хотел однажды утром проснуться и не слышать, как за стеной храпит сосед. Хотел, чтобы в моём холодильнике была еда. Хотел, чтобы надо мной не висело это «должен» — должен учиться, должен работать, должен быть удобным.

А ещё... ещё я хотел, чтобы на меня смотрели так, как смотрит она.

Хочу. Чтобы смотрела она!

А кто эта «она»?

Я закрыл глаза.

В темноте век возникла Катя. Она стояла в полосатой тени складов, сложив руки на мощной груди. Смотрит на меня спокойно, без улыбки. А у её ног — красные провода.

Они как змеи, только провода. Они спускаются с её больших упругих бёдер прямо на асфальт. Они обвивают что-то. Обвивают трупы под её каблуками. Она смотрит на меня, и в её глазах только холодный интерес лаборантки, которая знает, как работает доильный аппарат, и теперь хочет выдоить всю мою кровь без остатка.

Катя. Не Лика.

Странно.

Я перепутал грань между реальностью и сном. Кажется, я просто вырубился тогда.

Глава 7 Жёлтый «Икарус»

Я проснулся от того, что солнце било прямо в глаза. Сквозь грязное окно общаги оно казалось не золотым, а выцветшим, будто его постирали с хлоркой.

Я лежал на полу.

Термосумка валялась в углу, из неё торчал край рыжей телогрейки. Плеер молчал. Села батарейка? Или просто не хотел работать. Не знаю.

Я сел.

С противным скрипом в голове начало складываться то, что я пытался забыть.

Тот переулочек. Двое. Шприц. Хруст. Красная кровь на бе-

лых кроссовках.

Меня зашатало, и я снова упал на пол, рядом с сумкой.

Стас затарабанил в ширму!

— Зайчик! С дуба рухнул?

— Н-о-о... нормально! — крикнул я не своим голосом.

Но всё было точно ненормально. Я встал. Ноги держали плохо, но держали. Натянул джинсы и телогрейку.

Звонок.

Я схватил телефон. Нажал «принять», даже не подумав.

— Доброе утро, Семён.

Её голос был повседневным, будто она не ложилась спать, а просто ждала, когда я проснусь. Без спешки, без тревоги. В этом голосе не было ничего, что могло бы меня успокоить, но почему-то стало легче дышать.

— Я... — я кричал шёпотом, чтобы Стас не слышал. — Я... Там, в переулке! Двоих. Я не знаю, как это вышло, но... Их теперь нет!

— Скажите, плеер был при вас?

Этот незначительный вопрос застал меня врасплох. Я даже растерялся. Она спрашивает про какой-то плеер, когда я только что сказал, что убил двух человек?

— Да, кажется... — Я запнулся. — Он был в сумке.

— Если произошёл инцидент, у вас не остаётся выбора. Нужно действовать быстро. Выезжайте на площадь Трёх Вокзалов. Там, где старая гостиница. В шестнадцать часов подойдёт автобус. Жёлтый, старый «Икарус» с надписью на

боку. Не удивляйтесь.

— Автобус? — переспросил я. — Куда?

— В единственное безопасное место для вас. В ЯР.

Я не стал переспрашивать. Место-то безопасное. Всё логично.

Пауза. Я слышал её дыхание. Без спешки, как будто она пила вино и одновременно смотрела на меня через телефон.

— Лика...

— Да?

— Спасибо.

Она усмехнулась. Я услышал этот смех — тихий, тёплый, почти человеческий.

— Собирайтесь. Времени мало. И не забудьте плеер. Он всегда должен быть при вас.

Я собрался за минуту. Термосумку оставил. Оставил и телефон. Смотрел в фильме, что по нему могут пробить. Рыжую телогрейку надел поверх футболки. Плеер сунул в карман.

Остановился перед зеркалом. Глянул на себя.

Ну и морда! Я в дурацкой рыжей телогрейке. Глаза красные, под глазами синее. Уши торчат.

Я показал отражению средний палец.

Оно показало мне средний палец в ответ.

— Пошёл ты, — сказал я своему отражению. — Ты...

Я запнулся. Парень в зеркале мог и вмазать. Он выглядел так, будто ему терять нечего.

Из-за ширмы в трусах вышел Стас.

— Ты чё орёшь? — спросил он сонно, почёсывая живот.

— Не спал?

— Спал, — сказал я.

— А чё орёшь тогда?

Я не ответил.

— Ты куда вырядился? — спросил он, кивая на телогрейку. — В цирк устроился?

— Я опаздываю.

— Гони за пиво, мне скоро уезжать! — он преградил дорогу. Обычное дело. А говорил угощает.

— Отвали.

Я просто оттолкнул его. Не сильно, даже не со всей силы. Просто взял и отодвинул в сторону. Стас отлетел к стене, стукнулся затылком о плакат с Маканом. Глаза у него стали круглые. Я пошёл дальше.

— Ещё друг называется! — крикнул он в спину.

В его голосе была настоящая обида. Потому что я никогда так не делал.

На вахте меня ждала тётя Лида. Обычно она проверяла пропуск, не поднимала головы, когда кто-то проходил мимо, но тут она встала. Слишком быстро для женщины её возраста и её комплекции.

— Семён, — окликнула она. Учтиво. Слишком учтиво.

Я остановился. Она смотрела на меня, и в её глазах было что-то новое. Не раздражение, не усталость. Что-то, что я не

умел называть.

— Постой, Семён.

Она встала, поправляя халат, и протянула пластиковый контейнер. Котлета с макаронами. Ещё тёплая.

— Это тебе.

— Зачем?

— На дорожку! — сказала она так, будто это было самое очевидное в мире. — Худой, как щепка. Смотреть страшно.

Я взял.

— Ты иди давай... Всё будет хорошо.

Она отвернулась к своему алоэ.

— Баночку потом занеси, — прошептала она мне вслед.

Я выбежал на крыльцо. Руку грела котлета с макаронами.

Я оглянулся на дверь общаги. Там, за стеклом, мелькнул её силуэт. Она стояла и смотрела мне вслед.

Я тогда подумал, что никогда не пойму эту таинственную женщину.

Площадь Трёх Вокзалов встретила меня толпой и запахом шаурмы. Я обошёл гостиницу по кругу. Раз. Другой. Третий.

Никакого автобуса.

Я сел на корточки у стены. Прямо на асфальт, не обращая внимания на мокрые пятна. Может, она обманула? Может, это была ловушка? Сейчас выйдут люди в форме, наденут наручники, и никто не поверит, что я не хотел. Что это оно само, просто не фартануло.

И тут, краем глаза я заметил: стекло в витрине магазина

напротив — оно отражало что-то другое, не то, что было на самом деле. В отражении не было ни гостиницы, ни меня. Там, в стекле, на пустыре стоял автобус.

Ярко-жёлтый, как лисий хвост.

Я обернулся.

Пустырь был пуст.

Я снова посмотрел в стекло. Автобус стоял на месте. В отражении. Он существовал только там, в этой мутной, царапанной витрине, и ему не нужен был наш мир, чтобы быть.

— Смотришь не туда, начальник, — раздался голос сбоку.

Я вздрогнул. Рядом стоял человек в потёртой кожаной куртке, с татуировками на шее, смуглый и с усами. В руке он держал связку ключей на брелоке с арабской вязью.

— Я водила, — представился он, кивнув. — Ты же Семён? Садись, ждём только тебя.

— А куда? — спросил я, кивнув на пустырь.

Водитель полез во внутренний карман куртки и протянул мне очки. Перекрещенные буквы «С» на дужках. Царапины на стёклах. Такие солнцезащитные очки продают в переходах за двести рублей, и никто их не покупает, потому что они ни от чего не защищают.

— Примерь, начальник.

Я надел.

— Вот теперь видишь? А то ходят тут, тычутся. Добро пожаловать на борт.

Мир перевернулся.

Пустырь больше не был пустым. Автобус стоял там, где и должен был быть. Жёлтый, жужжащий. Рядом с ним, привалившись к борту, курил старик с бельмом на глазу.

А у входа в автобус стояла...

Катя!

В той же куртке, с тем же рюкзаком. Смотрела на автобус так, будто готовая его оседлать.

— Катя?

Она обернулась. Глаза у неё были открытые — ресницы широко распахнуты.

— Сёма? — она будто не верила глазам. — Ты... тоже едешь?

Я кивнул. А она выдохнула. Так выдыхают, когда долго не дышали, а потом всё-таки решились. И вдруг прижалась ко мне. Уткнулась лицом в плечо. Повисла на мне так, что я чуть не начал задыхаться.

— Я так рада, что не одна тут теперь!

— Я тоже тебе рад, — а ведь я и правда был ей рад. — Ты как тут?

— Мне посылка пришла. С ограничителем. — Она сделала паузу, глядя на меня с непониманием, и чуть приоткрыла ворот блузки. На её мощной круглой груди, которая всегда двигалась как-то отдельно от всей остальной Кати, лежал алый пионерский галстук. — А у тебя какой?

— Не знаю... — Я показал свой плеер «Голдстар». — Может, этот?

Из автобуса высунулась голова.

— Залазьте. Отправляемся.

Мы залезли. Внутри пахло... автобусом.

Мы с Катей сели рядом. У окна.

Автобус тронулся, и я увидел, как город остаётся позади. Всё, что было, оставалось позади. Вся моя самособойная жизнь, которая, пока я в ней жил, казалась мне единственно возможной.

Мы сели с Катей рядом. Она взяла меня за руку. Не за руку даже, а за пальцы, и сжала так, что я понял: она не меня держит, она держится сама.

Автобус катил по туманной трассе. Других машин не было. За окнами тянулась бесконечная, равнодушная земля. Я смотрел на неё и чувствовал себя очень маленьким. Внутри, в тёплом полумраке салона, возникало странное чувство — будто мы единственные люди на всей земле.

Мы съели тёти-Лидину котлету с макаронами, и Катя давила меня плечом. Я чувствовал тепло её тела даже сквозь телогрейку.

— Сём, — сказала она вдруг тихо. — А ты чего в колледж пошёл? На доильные аппараты эти?

— А куда ещё? — я пожал плечами. — Проходной балл низкий. Общежитие дали. Из детдома или в армию, или куда возьмут.

Она молчала. Смотрела в окно, и я знал, что она сейчас что-то скажет.

— А я вообще на архитектора хотела, — сказала она мечтательно. — Представляешь? Дома рисовать. Красивые, с большими окнами, чтобы солнце заливало.

Люди в дороге почему-то всегда становятся слишком разговорчивыми. То ли от скуки, то ли сама дорога имеет волшебное свойство развязывать разговор.

— Там сложно, — ответил я.

— А что? — Она вдруг улыбнулась, но как-то грустно. — Я в школе хорошо рисовала. Даже на олимпиаду ездила. Второе место заняла.

— И что случилось?

— Я всё думала, что оно как-то само. — Она хмыкнула. — Просто существовала в серой зоне, как миллионы людей вокруг. Плыла по течению. И вот я уже лаборантка в шараге. Я не нищая, не бомж, не пропащая, но знаешь, эта тоска... Она преследует по пятам.

Она говорила, а я смотрел на её руки. Большие, сильные. Я вдруг представил, как эти руки держат карандаш и рисуют тонкие линии. Не сочеталось.

— Кать... — начал я.

— Да ладно, — перебила она. — Я не жалею. Просто мысли вслух.

Она повернулась ко мне. В колодцах её глаз блестели две капли света, и я подумал, что, если бы умел рисовать, я бы нарисовал только это.

— А ты? Ты себя чувствуешь собой? — спросила она.

— Не знаю. Наверное, нет.

Она кивнула. Это её устроило.

— Кать, — сказал я. — А старая, когда станешь... ты что будешь делать?

Она подумала.

— Дом себе построю, — сказала она. — С большими окнами. Буду в кресле-качалке сидеть и на закат смотреть.

— А я?

— Я тебя в гости позову. Если захочешь. Будешь рядом сидеть и тоже смотреть. Ты же не бросишь меня?

— Нет, — ответил я, совершенно обезоруженный этим честным вопросом.

— Поспи, — сказала Катя. — Я разбужу, когда приедем.

Я закрыл глаза. Автобус укачивал.

И мне приснился сон.

Я маленький. Очень маленький — мне, наверное, года полтора, не больше. Я сижу на полу, в комнате, которую не узнаю. Свет падает из окна — тёплый, летний. Рядом со мной на корточках сидит какой-то мальчик. Старше меня. У него русые волосы, веснушки на скулах и смешные торчащие уши.

— Смотри, Сёма, — говорит он. — Я сделал тебе зайчика.

Он показывает мне фигурку из пластилина. Корявая, смешная, с отвалившимся ухом. Но в его глазах — гордость.

Я тяну руку, чтобы взять. Пластилин как будто тёплый. Я сжимаю его в кулачке, и фигурка превращается в комок.

Мальчик смеётся.

— Ничего, — говорит он. — Я тебе ещё сделаю.

Кто ты? — подумал я.

Ответа не было.

Глава 8 Путь домой

— Сёма... Семён!

Катя толкнула меня локтем, а локти у неё были твёрдые, как арматура. Я аж зубами клацнул.

— А? Что?

— Смотри!

Она указала вперёд. Мы ехали по трассе. Вокруг были сосны — такие высокие, что, казалось, они подпирают небо. Водила, не сбавляя скорости, лихо свернул налево.

Справа, на ржавом столбе, висел указатель: «р. Вобля».

— Вобля? — переспросил я вслух. — Где мы?

Мы переехали по узенькому железобетонному мостику.

Под колёсами загудели стыки. А дальше, сразу за мостом, начался туман.

Автобус спускался в низину, и туман наваливался на стёкла, как живой. Сначала просто белёсая дымка, потом — густая каша, а через минуту я не видел даже края дороги. Только молоко.

— Закрывайте форточки! — крикнул водила.

— Что это за река такая? — Катя сунула мне под нос телефон. Она тыкала пальцем в карту, увеличивала, двигала, снова увеличивала. — Смотри: Вобля. Где это?

— Может, шутка какая-то? — Я повысил голос, пытаюсь перекрычать жужжание плеера в кармане. — Нет, не может быть такой реки.

— Сём, да какая шутка. Настоящий указатель.

Я отвлёкся на её телефон. И это было ошибкой.

Пока мы пялились в экран, старик захлопывал форточки, а я замешкался. Моя форточка — та, что прямо надо мной, — осталась приоткрытой.

Я не заметил.

А туман — заметил.

Через узкую щель густая белая каша начала заползать в салон тонкой струйкой.

— Сёма! — Катя вскрикнула. У неё даже голос сел.

Белый, плотный, как крутое тесто, туман уже с силой пёр в окно. Он нагло лез, пучился, сползал по стеклу вниз.

Мы вскочили со своих мест.

— Я ж сказал: закрыть! — заорал водила, оглядываясь.

— Ловите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.